

А. Белый

БЕЛЫЙ Андрей (настоящее имя Борис Николаевич Бугаев) [14(26).10.1880, Москва — 8.1.1934, Москва] — прозаик, поэт, критик, литературовед, мыслитель, мемуарист; теоретик символизма и характернейший выразитель философско-эстетической культуры этого направления.

Отец — Николай Васильевич Бугаев (1837–1903) — выдающийся ученый-математик и мыслитель, профессор и декан физико-математического ф-та Московского ун-та, председатель Московского математического общества. Мать — Александра Дмитриевна Бугаева (урожденная Егорова, 1858–1922). Детские годы Б. прошли в бытовой и интеллектуальной атмосфере «профессорской» Москвы.

В 1891–99 Б. учился в московской частной гимназии Л. И. Поливанова. Формирование творческой личности Б. происходит в значительной степени под влиянием знакомства с семьей Соловьевых — братом философа Вл. Соловьева Мих. Соловьевым, его женой Ольгой Соловьевой и их сыном Сергеем (впоследствии поэтом-символистом). Первые поэтические и прозаические опыты относятся к осени 1895–99 (в большинстве не сохранились). Поворот от юношеского «пессимизма» и созерцательности к мистико-эсхатологическим переживаниям намечался в первом крупном замысле (близком тогда еще не написанной «Краткой повести об антихристе» (1900) Вл. Соловьева) — мистерии «**Антихрист**» (1898), драматической фан-

тазии о воцарении антихриста на земле. Позднее автором были опубликованы два фрагмента из этого незаконченного произведения: «**Пришедший**» (Северные цветы. Альм. З. М., 1903), «**Пасть ночи**» (Золотое руно. 1906. № 1); сохранившемся в рукописи — в публикации Даниелы Рицци «**Антихрист. набросок к ненаписанной мистерии**» (Тренто, 1990).

В 1899 Б. поступил на естественное отделение физико-математического ф-та Московского ун-та. Успешно окончив его в 1903, он впоследствии никогда не работал по специальности, однако использовал познания и примеры из области «точных» и естественных наук в статьях и теоретико-философских изысканиях. Важнейшее значение приобретают для Б. в это время Вл. Соловьев и Ф. Ницше; их искания и прозрения для него — опора в поисках кардинально нового мироощущения, в неопределенных предчувствиях новой эры, мистического преображения бытия.

Эти переживания отразились в произведениях Б., созданных им в индивидуальном жанре «симфоний» (лирическая ритмизованная проза, в которой пунктирно намеченные сюжетные линии сочетаются со сквозными развивающимися темами, ориентированными на законы музыкальной композиции). Первый «симфонический» опыт Б. (1899) — «туманная, космическая эпопея в прозе» — сохранился в черновой ред. В 1900 создана «**Северная симфония (1-я, героическая)**» (М., 1904) — законченный образец нового жанра и стиля, своеобразная сказочно-романтическая поэма в прозе, изображающая условно-фантастический мир, лишенный примет конкретного исторического времени, но внешне ориентированный на западноевропейское Средневековье.

1901 — важнейший год в духовном формировании Б.: он интенсивно переживает предвестия «несказанного», испытывает глубокую мистическую любовь к М. К. Морозовой, символизирующей для него соловьевскую «Подругу Вечную», пишет «**Симфонию (2-ю, драматическую)**» (М., 1902), ставшую его лит. дебютом. Это автобиографическое произведение запечатлело московскую повседневною «под знаком вечности», в «апокалипсическом ритме времени», в предчувствии приближения неведомой жизни. Не принятая, в силу своей резкой необычности, критикой и широкой читательской средой, «симфония» была высоко оценена в кругу приверженцев символизма.

В 1901–02 Б. написал «третью симфонию» «**Возврат**» (М., 1905), в которой под-

линный мир вечных сущностей представлен в контрастном сопоставлении с фиктивным миром земного существования. В это время Б. вошел в круг писателей-символистов, к которому у него формируется двойственное отношение: отстаивая новаторские формы и приемы худож. выразительности у символистов, он не приемлет их «декадентского» мировоззрения с религиозно-философских, «теургических» позиций. В программных статьях **«Формы искусства»** (Мир искусства. 1902. № 12), **«О теургии»** (Новый путь. 1903. № 9), **«Символизм как миропонимание»** (Мир искусства. 1904. № 5) Б. проповедует «истинный» символизм, являющийся прообразом грядущего универсального, теургического «жизнетворчества», выдвигает «дальние» цели, находящиеся за пределами искусства как такового. Осенью 1903 вокруг Б. оформляется объединение «аргонавтов» — кружок близких к символистам мистически настроенных молодых людей. «Аргонавтические» настроения, проникнутые пафосом духовного преображения бытия, характерны для книги Б. **«Золото в лазури»** (М., 1904; переизд.: М., 2004), объединяющей его ранние стихи и лирические отрывки в прозе; в книге, однако, уже звучат мотивы угасания идеалов «эпохи зорь» и разуверения в собственном «пророческом» предназначении. В отличие от «симфоний», «Золото в лазури» было отмечено эстетической неровностью «Язык Белого — яркая, но случайная амальгама <...> это — златотканая царская порфира в безобразных заплатах» (Брюсов В. СС: в 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 300–301).

С 1904 у Б. начинается период переоценки юношеских идеалов: иссякают упования на «мистериальную» любовь, на духовный союз «посвященных» (в частности, завязавшаяся в 1904 на почве общих настроений и творческих устремлений дружба с А. А. Блоком перерастает в продолжительный острый конфликт), происходит вытеснение прежних «учителей жизни»: Соловьева и Ницше в сознании Б. теперь дополняют И. Кант и философы-неокантианцы; их построения служат Б. опорой для работы над теоретико-познавательной системой символизма. На смену «широковещательным апокалипсическим экстазам» приходит интерес к «точному» знанию, теоретической философии, «ближним» лит. задачам (с 1904 Б. — постоянный сотрудник основного символистского ж. «Весы»); прежний политический индифферентизм сменяется, под воздействием событий революции 1905, «левейшими»,

анархо-максималистскими настроениями: Б. ощущает внутреннее созвучие задач «религиозного строительства» и «социального переворота».

Для «четвертой симфонии» Б. **«Кубок метелей»** (М., 1908) характерно сочетание образно-стилистических черт раннего творчества с новыми, «послелазурными» мотивами. В 1907–08 Б. активно участвует во внутрисимволистской полемике по поводу «мистического анархизма» (философско-эстетическая доктрина Г. И. Чулкова); в критико-полемическом цикле **«На перевале»** (1906–09), печатавшемся в «Вессах», он борется за «чистоту» символизма как лит. школы, выступает против эпигонства и эклектизма массовой модернистской словесности.

Наиболее значительный итог творчества Б. этого периода — книга стихов **«Пепел»** (СПб., 1909), посвященная памяти Н. А. Некрасова. По словам Вяч. Иванова, «Некрасов разбудил в Белом человека-брата; и новая книга его уже плоть от плоти и кость от кости истинной „народнической“ поэзии» (Критическое обозрение. 1909. № 2. С. 47; Иванов Вяч. СС. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 617). В «Пепле» — тема России в ее широком общественном звучании, главная тональность — безысходный трагизм, усиленный сугубо личными мотивами: социальная проблематика раскрывается сквозь призму авторского лирического «я». К «эпическому» «Пеплу» примыкает «лирическая» книга стих. Б. **«Урна»** (М., 1909), отразившая безысходные переживания автора, порожденные его неразделенной любовью к Л. Д. Блок (отношения с нею в 1906–07 играли важнейшую роль в жизни Б.), а также тему трагического разуверения в юношеских утопиях. Формально-стилевым образцом для Б. в «Урне» служит «философическая» лирика классиков русской поэзии (Пушкина, Баратынского, Тютчева), а также поэзия Брюсова (которому посвящена книга).

Первым опытом приобщения Б. к большой «традиционной» повествовательной форме стал роман **«Серебряный голубь»** (М., 1910), написанный с сознательной ориентацией на творчество Гоголя и с необычной для Б. «реалистичностью»: рельефно запечатлен крестьянский, городской и помещный бытовой уклад, подробно воссозданы психологические мотивы поведения героев. Традиционная для русской лит-ры тема взаимоотношений народа и интеллигенции раскрывается в романе под знаком историсофских мифологем Востока и Запада: история неудачного «хождения в народ» (тянущийся к народной

среде герой гибнет от рук «голубей» — сектантов) дает возможность широкой символической трактовки проблем «почвы» и «культуры», сочетания «бесовского» и «ангельского», «голубинового» и «ястребиного» в народной душе. Б. отрицает совр. «азиатскую», косную Россию во имя грядущей России, очищенной духовно и нравственно. Н. А. Бердяев в статье «Русский соблазн» утверждал: «В романе А. Белого есть гениальный размах, выход в ширь народной жизни, проникновение в душу России <...>, чувствуется возврат к традициям великой русской литературы, но на почве завоеваний нового искусства» (Русская мысль. 1910. № 2. Отд. II. С. 104). Свою трактовку национальной проблематики, не сводимую однозначно ни к западной, ни к славянофильской концепции, Б. предложил также в очерке **«Трагедия творчества. Достоевский и Толстой»** (М., 1911).

В 1909 Б. — один из организаторов изд-ва «Мусaget», объединявшего приверженцев символизма теургической, религиозно-философской направленности. «Мусagetом» изданы книги Б. **«Символизм»** (М., 1910) и **«Арабески»** (М., 1911), содержащие значительную часть его критических и философско-эстетических статей 1900-х; в «Символизм» вошли, кроме того, работы Б. по стиховедению, утвердившие основные методологические принципы этой дисциплины. Статьи Б. о символизме, о русских классиках и современных писателях составили его книгу **«Луг зеленый»** (М., 1910). Обоснованию философско-культурологического базиса символизма посвящены также статьи Б., печатавшиеся в 1912 в «двухмесячнике» изд-ва «Мусaget» — «Труды и дни» (Б. вместе с Э. К. Метнером редактировал это изд.). Все эти книги и статьи объединены стремлением обосновать символизм как универсальную систему, охватывающую все аспекты мировой культуры и дающую ключ к осмыслению любых ее конкретных модификаций.

Стих. 1909–11, собранные в книге **«Королева и рыцари»** (СПб., 1919), отразили перемену в мироощущении Б. от пессимизма и отчаяния к исканию нового «пути жизни». Этому духовному перелому способствовало сближение с художницей Анной Алексеевной (Асей) Тургеневой (в 1910 она становится фактически женой Б., гражданский брак зарегистрирован в Берне в марте 1914). Вместе с нею Б. совершил заграничное путешествие (дек. 1910 — апр. 1911: Сицилия — Тунис — Египет — Палестина). Свои впечатления и размышления Б. изложил в двухтомных

«Путевых заметках»; 1-й том при жизни автора был издан дважды (Офейра. М., 1921; Путевые заметки: Сицилия и Тунис. М.; Берлин, 1922. Т. 1), 2-й публиковался лишь фрагментами (в полном объеме — в книге: Российский архив. М., 1991. Т. 1).

Осенью 1911 Б. приступил к работе над романом **«Петербург»** (опубликован в сб. «Сирин», кн. 1–3. СПб., 1913–14; отд. изд. — Пг., 1916; впоследствии Б. неоднократно сокращал роман, 1-е изд. сокращенной ред. — Берлин, 1922). «Петербург» — крупнейшее произведение Б. и одно из вершинных достижений русского символизма. Сюжет романа вбирает все наследие «петербургского», «западного» периода русской истории, преломленное в мифологическом сознании и лит. традиции («петербургская» тема, развивавшаяся в творчестве Пушкина, Гоголя, Достоевского и др. классиков XIX в., получает у Б. свое продолжение). Герои романа — жертвы исторического рока, воплощенного в Петербурге и в образе его основателя; они находятся во власти чудовищной фантазмагии, исполненной мистических губительных сил; соответственно в изображении персонажей преобладают приемы шаржа и гротеска, а драматизм ситуаций оборачивается пародией и фарсом. Н. А. Бердяев в статье о «Петербурге» («Астральный роман»), увидев в разрушении Б. «цельных органических образов» прямую аналогию живописному кубизму Пикассо, подчеркнул, что это распыление обусловлено авторской историософской концепцией: «Медный Всадник раздал в Петербурге человека» (Бердяев Н. Кризис искусства. М., 1918. С. 41, 45). Сюжетную пружину «Петербурга» образует мотив провокации: он выявляет глобальную историческую провокацию, которая обусловила неразрешимую трагедию России, механически воспринявшей «западное» начало и не сумевшей создать новое органическое единство из смешения в себе «запада» и «востока» — рационалистической и прагматической культуры с духовной косностью и разрушительными инстинктами. Революция 1905, служащая фоном сюжетного действия, осмысливается автором как знамение конца и неотвратимого возмездия, но она, по убеждению Б., не способна вывести Россию на спасительные пути: «красному домино», символизирующему революцию, противопоставляется «белое домино» — образ Христа, символ духовного и нравственного очищения; историческому року — грядущий апокалипсический «прыжок над историей». Сочетая высокий пафос с комедийно-трагическими мотивами, лири-

ко-исповедальные интонации с сатирическим гротеском, вскрывая в непривычных ракурсах психологию героев и подсознательные импульсы их мыслей, чувств и действий, Б. создает принципиально новый тип прозаического повествования.

Весной 1912 Б. вместе с А. Тургеневой уехал за границу; посетив в Кельне лекцию Р. Штейнера, создателя антропософского религиозно-мистического учения, они становятся его приверженцами: следуют за Штейнером в его лекционных поездках по Европе (всего в 1912–16 Б. прослушал более 400 лекций Штейнера). Б. был убежден в том, что в учении Штейнера он обрел системное воплощение своих духовных интуиций, исконную гармонию между мистическим визионерством и рациональным, науч. знанием; увидел в антропософии возможность обуздать динамизм своего внутреннего мира, направлять свои искания в соответствии с определенной «программой». Не имея возможности последовательно пропагандировать антропософские воззрения в «Мусагете», Б. постепенно устраняется от руководства изд-вом; его литературно-организационная деятельность фактически прекращается до 1916. В 1912–16 Б. живет в основном за границей, с марта 1914 — в Швейцарии, где участвует в строительстве антропософского центра Гетеанума в Дорнахе, близ Базеля. В 1915 Б. пишет философское исследование «**Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности**» (М., 1917), посвященное разбору «световой теории» Гете и полемике с Э. К. Метнером, посвятившим критическому разбору гетеанских трудов Штейнера свои «**Размышления о Гете**» (М., 1914). Стих., создававшиеся под знаком приобщения к антропософии, составили основу книги Б. «**Звезда**» (Пг., 1922).

Антропософия, уделявшая настойчивое внимание проблеме внутреннего самопознания человека, совершенствования личности, подвела Б. к разработке автобиографической темы как ведущей в его творчестве. Из задуманного многотомного цикла произведений под общим заглавием «**Моя жизнь**» до революции был написан только роман «**Котик Летаев**» (1916; 1-я публ.: Скифы. Пг., 1917–18. Сб. 1, 2.; отд. изд.: Пг., 1922); его тема — первые восприятия мира рождающимся сознанием младенца, передача первоначальной текучести детского представления о действительности, попытка реконструкции переживаний, отрицающих у взрослых. По уровню худож. мастерства, с каким воплощает Б. фантастические карти-

ны, творимые младенческим воображением из хаоса впечатлений, этот роман принадлежит к числу его наиболее совершенных созданий. С. Есенин, назвавший в статье «Отчужденное слово» (1918) «Котика Летаева» «гениальнейшим произведением нашего времени», поставил Б. в особую заслугу то, что он «зачерпнул словом то самое, о чем мы мыслили только тенями мыслей» (Есенин С. ПСС: в 7 т. М., 1997. Т. 5. С. 180). Непосредственным продолжением «Котика Летаева» стал роман Б. «**Крещеный китаец**» (1921; 1-я публ. под загл. «**Преступление Николая Летаева**» // Записки мечтателей. 1921. № 4; отд. изд.: М., 1927), также написанный на основе детских переживаний и воспоминаний. Сходную по типу с автобиографическими романами задачу показать «творимый космос» Б. решает в «поэме о звуке» «**Глоссолалия**» (1917; опубликована: Берлин, 1922) — фантазии о космогоническом смысле звуков человеческой речи. Интуитивный поэтический анализ этих микроэлементов позволяет почувствовать мир как стихию непрерывного творческого созидания. Тот же исходный пафос сказывается в работах Б. по поэтике, собранных в его книге «**Поэзия слова**» (Пб., 1922), в статье «**Жезл Аарона (О слове в поэзии)**» (Скифы. Пг., 1917. Сб. 1), в стиховедческих исследованиях «ритмического жеста»: книга «**О ритмическом жесте**» (1917) осталась неопубликованной, предложенная в ней методика описания стихового ритма позднее обоснована Б. в исследовании «**Ритм как диалектика и „Медный всадник“**» (М., 1929).

Начало Первой мировой войны Б. воспринял как симптом всеохватывающего кризиса европейской культуры, катастрофу, угрожающую гибелью основам цивилизации. Свое мировосприятие этого времени он передал в четырехчастном цикле лит.-философских этюдов «**На перевале**»; изданы первые 3 части цикла: «**Кризис жизни**» (Пг., 1918), «**Кризис мысли**» (Пг., 1918), «**Кризис культуры**» (Пг., 1920), 4-я часть, «**Кризис сознания**» (1920), осталась неопубликованной. В авг. 1916 Б. возвращается на родину, дни Февральской революции проводит в Царском Селе и в Петрограде, в самой гуще событий. Революцию он воспринимает как животворную стихийную силу, предвещающую новую судьбу России (очерк «**Революция и культура**»; отд. изд.: М., 1917); конкретные политические события осмысляет главным образом в символическом ключе — видит в них предвестие грядущего вселенского преобразования, «революции ду-

ха». Б. солидаризируется с отстаиваемой Р. В. Ивановым-Разумником идеологией «скифства» — своеобразного «почвенничества» с максималистским, анархо-утопическим уклоном. Верность этим убеждениям Б. сохранил и в первые месяцы после Октябрьского переворота; он пишет поэму **«Христос воскрес»** (Пг., 1918) — произведение, идейно созвучное «Двенадцати» Блока. С 1918 Б. участвует в работе новых советских учреждений (в частности, в лит. студии московского Пролеткульта), становится одним из зачинателей ряда культурных инициатив (с 1919 — председатель Вольной философской ассоциации в Петрограде, унаследовавшей дух и основные идейные постулаты «скифства»). Деятельность советской власти и идеологическая экспансия большевизма вкупе с обстоятельствами всеобщей разрухи способствуют все более усугубляющемуся конфликту Б. с пореволюционной действительностью; с 1919 он предпринимает ряд попыток выехать за границу. При этом первые пореволюционные годы — один из наиболее активных периодов творческой деятельности Б.: он постоянно выступает с лекциями, ведет интенсивную культурно-организационную работу, участвует в альм. «Записки мечтателей» (1919–21), пишет автобиографическую поэму **«Первое свидание»** (Пг., 1921), многими признаваемую за вершину его поэтического творчества, и автобиографические **«Записки чудака»** (т. 1–2. Берлин, 1922; первоначально под заглавием **«Я. Эпопея»** // Записки мечтателей. 1919. № 1; 1921. № 2/3), философский очерк **«О смысле познания»** (Пг., 1922) и др.

Выехав в окт. 1921 из Москвы за границу, Б. обосновался в Берлине. Последующие 2 года, проведенные в Германии, прошли для него под знаком глубокого внутреннего надлома: разрыв отношений с А. Тургеневой, временный кризис антропософских убеждений. Переживания этой поры непосредственно отразились в книге стихов Б. **«После разлуки. Берлинский песенник»** (Пг.; Берлин, 1922), которую он расценивал прежде всего как формальный эксперимент, направленный на выявление мелодической основы поэтического текста путем графического отображения интонационных модуляций стиха. «Мелодизм» стал отправной точкой в работе Б. над новыми ред. своих ранних стих.; книга **«Зовы времен»** (1931; впервые опубликованы Дж. Мальмстадом в изд.: Белый А. Стихотворения. München, 1982. Т. 2) в большей части состоит из кардинально переработанных (иногда до неузнаваемости) вариантов

стих. 1900-х. В дек. 1921 Б. организовал при изд-ве «Геликон» ж. «Эпопея» под своей редакцией; значительную часть объема четырех выпусков «Эпопеи» (1922–23) занимают **«Воспоминания о Блоке»** — наиболее пространная версия мемуаров Б. о покойном поэте. В 1922–23 Б. перерабатывает «Воспоминания о Блоке», используя их как исходный материал для книги воспоминаний **«Начало века»** (т. н. «берлинская редакция», в полном объеме не сохранившаяся и опубликованная частично в виде отд. глав) — своего наиболее достоверного (с точки зрения полноты и искренности рассказа о самом себе и своих современниках) мемуарного произведения, создававшегося еще без оглядки на цензурно-идеологические ограничения советского времени.

По своей лит.-общественной позиции Б. в Берлине занимал промежуточное положение между убежденными противниками большевистской власти, с одной стороны, и «сменовеховцами» (воспринятыми им резко отрицательно) и просоветскими кругами — с другой. В статьях **«Культура в современной России»** (Новая русская книга. 1922. № 1), **«О Духе России и „духе“ в России»** (Голос России. 1922. 5 марта) Б., констатируя гибель жизненных устоев, деморализацию, распад быта, тем не менее выражал надежды на «зелень новой культуры» в России, на воскрешающую силу неистребимого духовного творчества. Окончательное решение возвратиться на родину (подготавливавшееся у Б. острым чувством недовольства своей берлинской жизнью) было принято под воздействием общения с К. Н. Васильевой (впоследствии — его второй женой), представительницей Московского антропософского общества. В конце окт. 1923 Б. возвратился в Москву. Свои берлинские впечатления он отобразил в очерке-памфлете **«Одна из обителей царства теней»** (Л., 1924).

Общественная ситуация середины 1920-х в Советской России не благоприятствовала полноправному вхождению Б. в лит. процесс; на отношении к Б. в официальной печати сказывалась негативная оценка, данная его творчеству Л. Д. Троцким в книге «Лит-ра и революция» (1923). Весной 1925 Б. поселился в подмосковном пос. Кучино (где жил постоянно до весны 1931), в Москве бывал наездами, находясь в фактической изоляции от широких лит. кругов. Заметным культурным событием стала лишь постановка пьесы Б. **«Петербург»**, написанной на сюжет одноименного романа (опубл. Дж. Мальмстадом: Белый А. Гибель сенатора. (Петер-

бург): Историческая драма. Berkeley, 1986), во 2-м МХАТе в нояб. 1925. Два крупных творческих замысла Б., над осуществлением которых он трудился в 1920-е, не предназначались им к печати в СССР — философский труд **«История становления самосознющей души»** (не закончен; частично опубликован в книге: Белый А. Душа самосознающая. М., 1999) и **«Воспоминания о Штейнере»** (1929; опубл. Фредериком Козликом: Paris, 1982), которые, кроме восторженно воссозданного образа духовного учителя Б., включают сведения о жизни в Швейцарии в кругу антропософов и лит. портреты учеников и сподвижников Штейнера.

Автобиографические мотивы развиваются и в романе Б. **«Москва»** (ч. 1. **«Московский чужак»**; ч. 2. **«Москва под ударом»**. М., 1926) и в его продолжении — романе **«Маски»** (М., 1932); в формах эпического гротеска в них выстраиваются картины московской жизни предреволюционных лет и ее рушащихся устоев. Важнейшая цель в этих романах — создание новой повествовательной прозы (ритмически и метрически организованной, избыточной синтаксическими инверсиями, опытами словотворчества, каламбурами, сложными метафорическими построениями). Постановку пьесы **«Москва»** (1926; опубликована: Театр. 1990. № 1), написанной Б. на сюжет романа для Театра им. Мейерхольда, осуществить не удалось.

Летние месяцы 1927–29 Б. провел на Кавказе — в Грузии и Армении. Результатом этих поездок стали путевые очерки **«Ветер с Кавказа. Впечатления»** (М., 1928) и **«Армения»** (1928; отд. изд.: Ереван, 1985). В них Б. не только делится впечатлениями от природы и культуры увиденных им стран, но и впервые пытается сочувственно осмыслить и описать происходящие социальные преобразования. В стремлении Б. найти общий язык с новой действительностью, завязать приемлемые формы контакта с советской лит. средой соединились искренний порыв и вынужденный компромисс. Показательно, что наиболее отвечавшие официальным идеологическим критериям тех лет статьи **«Поэма о хлопке»** (Новый мир. 1932. № 11) и **«Энергия»** (Новый мир. 1933. № 4) Б. написал после тяжелого жизненного испытания — ареста К. Н. Васильевой (май 1931) и др. близких ему антропософов (Б. удалось добиться скорого освобождения К. Н. Васильевой, 18 июля 1931 они официально зарегистрировали брак). Стремление соответствовать советским цензурно-идеологическим требованиям сказывается и в мему-

арной трилогии Б. **«На рубеже двух столетий»** (М., 1930), **«Начало века»** (М.; Л., 1933), **«Между двух революций»** (Л., 1934). Тем не менее трилогия является одним из самых значительных лит. памятников, отображающих красочную и многофигурную историческую панораму рубежа веков. Наряду с мемуарами последней крупной работой Б. стало исследование **«Мастерство Гоголя»** (М.; Л., 1934), во многом предвосхитившее позднейшие структурно-семиотические подходы к анализу худож. текста и по праву расцениваемое как «один из высочайших взлетов гуманитарной науки у нас в стране в первой половине века» (Вяч. Вс. Иванов; см.: Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 10).

В июле 1933, отдыхая в Коктебеле, Б. внезапно заболел; вызванные солнечным перегреванием (согласно врачебному диагнозу) сильные головные боли в последующие месяцы прогрессировали. В конце дек. 1933 Б. был помещен в клинику, где и скончался. В некрологе, опубликованном в «Известиях» (1934. 9 янв.) за подписями Б. Пильняка, Б. Пастернака и Г. Санникова, сообщалось: «...умер от артериосклероза Андрей Белый, замечательнейший писатель нашего века, имя которого в истории станет рядом с именами классиков не только русских, но и мировых. <...> Придя в русскую литературу младшим представителем школы символистов, Белый создал больше, чем все старшее поколение этой школы. <...> Он перерос свою школу, оказав решающее влияние на все последующие русские литературные течения».

Соч.: Стихотворения. Берлин; Пг.; М., 1923 (переизд.: М., 1988); Пепел. 2-е изд., перераб. М., 1929; Стихотворения / вступ. статья, ред. и прим. Ц. Вольпе. Л., 1940. (Б-ка поэта. М. серия); Стихотворения и поэмы / вступ. статья Т. Ю. Хмельницкой; подгот. текста и прим. Н. Б. Банк и Н. Г. Захаренко. М.; Л., 1966. (Б-ка поэта. Б. серия); Петербург / подгот. Л. К. Долгополов. Л., 1981. (Лит. памятники). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004; Стихотворения. Т. 1–3 / Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von John E. Malmstad. München, 1982–84; Серебряный голубь / подгот. текста, вступ. статья и комм. М. Козьменко. М., 1989; На рубеже двух столетий / подгот. текста, вступ. статья и комм. А. В. Лаврова. М., 1989; Начало века / подгот. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990; Между двух революций / подгот. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990; Соч.: в 2 т. / сост., подгот. текста и вступ. статья В. Пискунова. М., 1990; Москва / сост., вступ. статья и прим. С. И. Тиминой. М., 1990; Александр Блок, Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции / сост., вступ. статья и комм. М. Ф. Пьяных. М., 1990; Симфонии / сост., подгот. текста, вступ. статья и комм. А. В. Лаврова. Л., 1991;

Символизм как миропонимание / сост., вступ. статья и прим. Л. А. Сугай. М., 1994; Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. / вступ. статья, сост. А. Л. Казина; комм. А. Л. Казина, Н. В. Кудряшевой. М., 1994; Стихотворения и поэмы / сост. и предисл. В. М. Пискунова; комм. С. И. Пискуновой, В. М. Пискунова. М., 1994; Петербург / послесл. В. М. Пискунова; комм. С. И. Пискуновой, В. М. Пискунова. М., 1994; Серебряный голубь. Рассказы / сост., предисл., комм. В. М. Пискунова. М., 1995; Воспоминания о Блоке / подгот. текста, вступ. статья, комм. С. И. Пискуновой. М., 1995; Москва: Драма в 5 действиях / предисл., комм. и публ. Т. Николюку. М., 1997; Собр. стихотворений. 1914 / подгот. А. В. Лаврова. М., 1997; О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / вступ. статья, сост., подгот. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1997; Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / предисл. и комм. В. М. Пискунова, Н. Д. Александрова, Г. Ф. Пархоменко. М., 1997; Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / сост., подгот. текста, комм., послесл. И. Н. Лагутиной; Приложение / подгот. текста. комм. М. Л. Спивак. М., 2000; Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / публ., вступ. статья, комм. А. В. Лаврова и Дж. Мальстада. СПб., 1998; Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919 / публ., предисл., комм. А. В. Лаврова. М., 2001.

Лит.: Эллис. Русские символисты. М., 1910; Аскольдов С. Творчество Андрея Белого // Лит. мысль: альм. 1. Пг., 1922; Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923; Бугаева К., Петровский А., [Пинес Д.] Лит. наследство Андрея Белого // ЛН. М., 1937. Т. 27/28; Мочульский К. Андрей Белый. Париж, 1955; Валентинов Н. Два года с символистами. Stanford, 1969; Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988; Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации / сост. Ст. Лесневский, Ал. Михайлов. М., 1988; Новиков Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого. М., 1990; Андрей Белый: Мастер слова — искусства — мысли. Bergamo; Paris, 1991; Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого. М., 1992; Воспоминания об Андрее Белом / сост. и вступ. статья В. М. Пискунова; комм. С. И. Пискуновой, В. М. Пискунова. М., 1995; Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и лит. деятельность. М., 1995; Николюку Т. Андрей Белый и театр. М., 1995; Андрей Белый. Жизнь. Миропонимание. Поэтика // Лит. обозрение. 1995. № 4–5; Москва и «Москва» Андрея Белого: сб. статей / сост. М. Л. Спивак, Т. В. Цивьян. М., 1999; Юрьева З. Творимый космос у Андрея Белого. СПб., 2000; Вишневецкий И. Трагический субъект в действии: Андрей Белый. Frankfurt/Main, 2000; Спивак М. Посмертная диагностика гениальности. М., 2001; Бугаева К. Н. Воспоминания об Андрее Белом / публ., предисл., комм. Дж. Мальстада. СПб., 2001; Андрей Белый. Публикации. Исследования / ред.-сост. А. Г. Бойчук. М., 2002; Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников: антология / подгот. А. В. Лавров. СПб., 2004.

А. В. Лавров

БЕЛЫХ Григорий Георгиевич [7(20).8.1906, Петербург — 14.8.1938, Ленинград] — прозаик.

Отец рано умер, мать работала прачкой. О тяжелом, полуголодном детстве Б. напишет позднее в повести **«Дом веселых нищих»**. В школу ходил неохотно и бросил ее, как только выучился читать и писать. Проводил время в играх с товарищами на пустырях и чтении книг о знаменитом сыщике Нате Пинкертоне. Чтобы зарабатывать на жизнь, мальчик брался за любую работу, возил с вокзала тяжелую поклажу мешочников, не останавливался и перед воровством. Его направляют в детский дом, откуда в колонию и, наконец, в Шкид — Школу социально-индивидуального воспитания имени Ф. М. Достоевского, где он провел 3 года. В отличие от прочих колоний для трудных подростков Шкид давала широкое гуманитарное образование. Б. сразу же обнаружил явные лит. способности. Он подружился с Л. Пантелеевым, их сближил общий интерес к лит-ре и кинематографу. Одна из их совместных затей — попытка создать **«Шкидкино»**. В школьной газ. «День» они стали печатать совместно сочиненный приключенческий роман **«Ультус Фантомас за власть Советов»** и др. произведения. Окончив школу в 1923, Б. становится журналистом. Л. Пантелеев вспоминал: «Мы не брезговали никаким лит. заработком печатались в «Смене», «Юном пролетарии», «Спартаке», «Работнице», «Кинонеделе», комсомольском юмористическом ж. «Будь жив!..» В «Смене» Б. был кинорепортером, пробовал себя и как киносценарист.

В 1925 Б. и Л. Пантелеев решают начать работу над книгой о жизни Шкид. Первоначальное название — **«Королевство Шкид»**. Работа продвигалась исключительно быстро: книга была написана менее чем за 3 месяца. Авторы отдали рукопись заводилом народного образования З. И. Лилиной. Книга ей очень понравилась, а так как она была еще и заведующей детским отделом ленинградского Госиздата, она передала ее С. Маршаку. 1-е изд. с иллюстрациями Н. Тырсы вышло в 1927, и затем **«Республика Шкид»** переиздавалась каждый год. Но в начале 1936 Б. был репрессирован, и книга сразу же стала запрещенной — ее отправили в спецхран. Новое переиздание состоялось только после реабилитации, в 1961, с предисл. Маршака. С тех пор она неоднократно переиздавалась, прочно заняв место среди детской классики.

Читатели приняли книгу восторженно, в среде педагогов и критиков единодушия не